

УДК 303.8

*Журбей Е.В.
Zhurbey E.V.*

«Мозговые центры» и внешнеполитический процесс Сингапура: история вопроса

«Think tanks» and foreign policy process of the Singapore: Background

Статья посвящена истории возникновения института «мозговых центров» и их роли во внешнеполитическом процессе Сингапура. Возрастающее влияние исследовательских центров, институтов в области внешней политики заставляют обратиться к общности и специфике «мозговых центров» Сингапура и их зарубежных аналогов. В статье рассматривается организация, специфика деятельности и каналы влияния на проводимую сингапурским руководством внешнюю политику.

Ключевые слова: *мозговые центры, исследовательские институты, внешняя политика, общественная дипломатия*

The article is devoted to the history of the institute of "think tanks" and their role in the foreign policy process in Singapore. Increasing influence of research centers and institutes in foreign policy makes appeal to generality and specificity of "think tanks" centers of Singapore and their foreign counterparts. The article discussed the organization, specific activities and channels of influence on the ongoing Singapore's foreign policy leadership.

Key words: *think tanks, research institutes, foreign policy, the public diplomacy*

Общепризнанной тенденцией последних десятилетий является активное вовлечение в процесс выработки внешнеполитических решений негосударственных участников, акторов гражданского общества, «народной дипломатии». Частью данного негосударственного сектора являются аналитические центры («мозговые центры» или «фабрики мысли»). Сегодня политические элиты развитых и развивающихся стран сталкиваются с проблемой привлечения экспертных знаний в центры принятия государственных решений, что ранее нами было продемонстрировано на примере участия аналитических центров во внешнеполитическом процессе таких стран, как Австралия, Новая Зеландия, КНР и Тайвань. Объектом текущего исследования является Сингапур, где сложилась своя практика сотрудничества, сосуществования экспертного сообщества и государства.

За последние полвека город-государство Сингапур разработал, пожалуй, самую эффективную на планете формулу развития и социального роста. Эффективная политика легендарного премьер-министра Ли Куан Ю и его партии «Народное действие» превратила обычный тропический, расколотый по расовому признаку, коррумпированный и на-

ЖУРБЕЙ Евгений Викторович, к.и.н., доцент кафедры социальных технологий филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находка. **E-mail:** cpr2001@gambler.ru

ходящийся во власти преступности город третьего мира в современную Венецию» [5]. Сингапур ошеломляет своим городским ландшафтом, небоскрёбами, ВВП на душу населения, который больше, чем в США и ЕС, а также самой образованной и дисциплинированной в мире рабочей силой. Это бурно развивающийся финансовый центр, который, согласно проведённому недавно исследованию, занимает четвёртое место на планете, опережая такие города с большим самонаимением, как Токио, Чикаго и Торонто. Он стоит на пятом месте по объёмам активов, которыми управляют институциональные инвесторы, опережая такие гораздо более крупные страны, как Япония, Великобритания и Бразилия [5].

В немалой степени внутренние успехи сингапурского руководства были обусловлены внешнеполитическими приоритетами, эффективной и прагматичной внешней политикой. Целью данного исследования является анализ внешнеполитического процесса Сингапура и оценка влияния на выносимые руководством государства внешнеполитические решения со стороны аналитических центров, которые концентрируют в себе огромный резервуар знаний, информации. Задача по эффективно использованию данного потенциала находится в приоритетах сингапурского руководства. Именно об этом сказал в своей речи почётный старший министр правительства Го Чок Тонг на 25-летнем юбилее сингапурского «Института политических исследований»: «Мозговые центры могут сыграть решающую роль в обеспечении взаимодействия между гражданами и правительством... Это включает в себя использование новых инновационных форм в продвижение политики общественного согласия, диалога сингапурского общества» [4].

Город-государство Сингапур благодаря историческим связям с Великобританией воспринял от последней парламентскую систему правления, в которой реальная власть принадлежит премьер-министру страны, а президент лишь номинальная фигура. Премьер-министр возглавляет правительство (кабинет министров) и одновременно является главой правящей партии. С 1950 г. у власти непрерывно находится партия «Народного действия». Монопольное положение правящей партии и авторитет находившегося у власти с 1950 по 1990 гг. премьер-министра Ли Куан Ю, сформировал современный облик политической системы Сингапура. Авторитет бывшего премьера в стране безусловный и тотальный. Главная причина заключается в экономических успехах, которые позволили стране вырваться из сообщества развивающихся стран в группу наиболее развитых и процветающих. Сингапурцы связывают процветание собственной страны с личностью Ли Куан Ю.

В 1990 году первый-премьер министр передал власть своему сподвижнику Го Чок Тонгу, при этом бывший премьер не отошёл от реальных рычагов власти, а продолжал держать руку на пульсе развития страны, получив статус «старшего министра» в правительстве Тонга. В 2004 году в свою очередь Тонг уступает пост премьера Ю Ли Сяньлуну, сыну Ли Куан Ю. Тем самым мы наблюдаем систему преемственности власти. Фактически власть передаётся посредством процедуры кооптации. Кооптация представляет собой вид «избрания сверху», чем потенциально создаёт почву для злоупотреблений, так как «избранные» руководители ограждают себя от влияния нижестоящей массы, избирая только «удобных» для себя членов-единомышленников. Вряд ли такую систему можно назвать демократической, что и даёт повод ставить под сомнение демократичность сингапурской политической системы, а также повод некоторым политологам приписывать политическую систему Сингапура к авторитарным политическим системам.

Антидемократичность сингапурской политической практики, в том числе практики принятия решений, берёт свои корни в политической

культуре, в основе которой лежат ценности конфуцианства. Более 75% населения страны этнические китайцы, не знавшие по большому счёту коммунистических экспериментов своей этнической родины. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что конфуцианство сохранилось на сингапурской почве в своей наиболее типичной, классической форме.

К наиболее типичным характеристикам конфуцианской политической культуры Сингапура можно отнести следующие черты:

Во-первых, «наличие ориентации населения на единый институционально-политический центр власти» [1, с. 98]. Премьер-министр Ли Куан Ю уподобился «императору» традиционного Китая. Сакральный и социально-политический ореол власти императора традиционного Китая тем самым передавался современному правителю Сингапура, что повышало управляемость общества институтами государства, бюрократическими институтами.

Во-вторых, «идеологизация власти, представляющей собой комплекс властных практик и идеологических теорий» [1, с. 98]. Политическая власть страны выступает в качестве единственного просветителя для общества, «власти воспринимают себя как единственных легитимных носителей истины» [1, с. 98].

В-третьих, «наличие жёстко заданной системы неформальных культурных ограничений, как для населения, так и для чиновников» [1, с. 98]. С одной стороны, это самодисциплинирует людей и чиновников, но, с другой стороны, подавляет их инициативность, свободу действий.

В-четвёртых, патриархально-патерналистическая забота о населении со стороны бюрократического аппарата, что является свидетельством отсутствия ограничений для вмешательства сингапурской бюрократии в дела гражданского общества.

В-пятых, «групповое сознание, т.е. приоритет групповых и общегосударственных интересов над личными. Человек не воспринимает себя как автономную единицу, «меру всех вещей», что характерно для англосаксонской политической культуры. Личность не мыслит себя вне общественных групп и государственных структур» [1, с. 98].

В-шестых, «патриархальная и кланово-клиентская структура общества, большая роль вертикальных социальных сетей усиливают иерархический характер всех связей и сдерживают развитие демократических тенденций» [1, с. 99].

Конфуцианские культурно-цивилизационные основы наложили отпечаток на функционирующую в Сингапуре политическую систему. Структура власти в стране жёстко централизована. С момента обретения независимости власть была сконцентрирована в руках узкой группы лиц, которую возглавлял Ли Куан Ю. «Политическая оттепель» в Сингапуре наступила в 90-е гг. XX в., когда премьер-министр поэтапно стал передавать власть молодому поколению сингапурских технократов. При этом влияние старшего поколения политической элиты не утрачено окончательно, что позволяет говорить о наличии консенсуальной системы принятия всех политических решений в стране, в том числе и в сфере внешней политики.

Централизация власти в стране выражается в том, что практически подавляющее большинство сингапурских бюрократов получают назначение на должность напрямую от кабинета министров и его главы, что создаёт систему персональной ответственности этих чиновников перед главой правительства. Данное обстоятельство дисциплинирует чиновников, с одной стороны, и повышает эффективность реализации принимаемых решений, с другой стороны.

Монолитность власти распространяется на монолитность сингапурской элиты в целом. «Существующее формальное разделение между

политической, административной и деловой элитой на практике не соблюдается. Карьерная траектория большинства сингапурских лидеров связана с постоянно сменой и совмещением постов различного типа. По сути, вся элита города-государства является частью одной строго централизованной и жёстко управляемой иерархии» [1, с. 100]. Монолитность элиты выражается в фактическом отсутствии в стране оппозиции, которая могла составить конкуренцию нынешним лидерам, в том числе и в аспекте конкуренции «идей». Заниматься политикой в Сингапуре если не воспрещается, то не является благородным делом. Любые вопросы и проблемы политической, социально-экономической или культурно-религиозной жизни страны решаемы, но решаемы не с позиций «политической борьбы», а с позиций сугубо технократического, прикладного характера. Технократичность механизмов принятия решений придаёт особую значимость аналитическим (мозговым) центрам в системе консультирования, посредничества политической власти с обществом.

Возрастающее влияние технократов можно также отнести и к конфуцианской традиции уважительного отношения к фигуре учёного. Конфуцианские традиции позволяют понять специфику статуса экспертного сообщества в Сингапуре, в том числе экспертов в области внешней политики. В китайском лексиконе существуют два важных для нашего исследования понятия, а именно *guanxi* (личные связи) and *mianzi* (лицо). Большая часть взаимоотношений между политиками, чиновниками и обществом в целом строится на системе *guanxi*, т.е. личных связей, социальных статусов и привилегий, а также сохранения при любых обстоятельствах и сложностях «лица». Данное обстоятельство влияет на практику во взаимоотношениях западных дипломатов со своими сингапурскими коллегами. Трудности обусловлены тонкостями символики, обязательной процедурой сохранения лица, как обязательных атрибутов не только публичной политики, но и межличностных отношений в повседневной дипломатической практике.

Чем можно объяснить всё возрастающее внимание сингапурского политического руководства к «интеллектуальным результатам» деятельности аналитических центров? Одну из причин мы осветили ранее, а именно исторический статус советников в конфуцианской традиции, но это далеко не всё объясняет. Несомненен тот факт, что происходит количественный рост аналитических центров по всему миру и прежде всего в развивающихся странах. Аналитические центры по-прежнему более сильны в своём воздействии на политическую элиту в англо-саксонских странах, но страны «третьего мира» восполняют пробелы в этой сфере.

Ранее мы говорили о том, что Сингапур многие годы демонстрировал успешную стратегию развития. «Сингапурское чудо» было у всех на устах, но и это «чудо» начинает мало по малому, испытывать трудности. В 2011 году Институт Гэллага провёл опрос среди населения Сингапура. Согласно проведённому исследованию, процентное количество жителей города, считающих, что через пять лет ситуация у них будет хуже, является одним из самых высоких в мире [5]. Рядом с ним стоят только такие страны как Греция, Италия, Сирия и Испания.

Ряд экспертов объясняет такую позицию жителей Сингапура традиционным китайским фатализмом, но приезжающие в США иммигранты из Азии, среди которых доминируют китайцы, испытывают гораздо больший оптимизм относительно будущего, чем основная часть американцев.

Другие эксперты объясняют рост негативных настроений жителей страны показателями развития национальной экономики. «Рост ВВП по-прежнему составляет где-то 5% в год, но уровень реальной заработной платы у сингапурцев остаётся без изменений [5]. С 1998 по 2008 год

доходы самых бедных 20% населения уменьшились в среднем на 2,7%, в то время как зарплаты у самых богатых 20% выросли более чем наполовину [5]. Реальный усреднённый доход среднего класса с 2001 по 2010 год увеличился на 11%. В отличие от последних лет в период с 1970-х по 2000 год доходы каждые десять лет вырастали вдвое, а то и больше» [5].

Большинство сингапурцев по-прежнему в позитивном ключе оценивают деятельность правящей партии «Народное действие», но у населения есть желание сменить направление развития. Первый шаг для исправления положения заключается в том, чтобы Сингапур осознал серьёзность стоящих перед ним проблем. "Политика прошлых лет пусть и работала эффективно, производя мощное впечатление, но для будущего она может оказаться неподходящей. Как отметил однажды мой старый японский сэнсэй Дзиро Токуяма (Jiro Tokuyama), труднее всего забыть секреты былых успехов" [5]. В этой связи сингапурское руководство нуждается в новых идеях, оно уже не столь самоуверенно и нуждается в советах, которые, как показывает мировая практика, могут предложить аналитические центры.

Что же такое аналитический или «мозговой центр»? Д. Эйбельсон под «мозговым центром» понимает «некоммерческие, внепартийные (что не означает – внеидеологические), ориентированные на исследовательскую работу институты, одна из главных целей которых состоит в оказании влияния на общественное мнение и государственную политику» [2]. Изначально термин «мозговой центр» использовался в США в годы Второй мировой войны для обозначения надёжно защищённого укрытия, где оборонные учёные и военачальники могли встречаться для обсуждения стратегических вопросов, но с тех пор термин стали использовать в более широком значении для обозначения более 2000 базирующихся в США организаций, которые занимаются политическим анализом, и ещё приблизительно 2500 институтов по всему миру [2].

Научный сотрудник из Научно-исследовательского института внешней политики США Джеймс Макганн считает, что под термином «мозговой центр» следует понимать «независимую организацию, занимающуюся исследованием и анализом государственной политики, восполняющую потребность политиков в информации и систематическом анализе, который непосредственно связан с политикой» [6].

Профессор Гарвардского университета С. Буше сформулировал девять критериев, характеризующих исследовательскую организацию в качестве «мозгового центра»: во-первых, это организация, действующая на постоянной основе; во-вторых, специализирующаяся на производстве общественно значимых решений для сферы политик; в-третьих, благодаря штату сотрудников, посвятивших свой полный рабочий день исследованиям; в-четвёртых, которые в свою очередь производят оригинальные идеи, осуществляют систематический анализ информации и проводят консультации; в-пятых, результаты систематического анализа в виде оригинальных идей доводятся до политиков и общественного мнения; в-шестых, такие организации не несут ответственность за деятельность правительств; в-седьмых, стремятся к независимости от частных интересов и сохраняют свободу в выборе повестки дня в рамках собственных исследований; в-восьмых, основная деятельность не сводится к образованию и выдаче дипломов; в-девятых, в не последнюю очередь их явная или неявная цель заключается в продуцировании общественного блага, в отличие от чисто коммерческих структур» [3, р. 2-3].

История возникновения многих восточноазиатских аналитических центров примерно одинакова. Можно отметить три политические темы, которые сформировали современный облик аналитических центров Восточной Азии, Сингапура в том числе. Во-первых, это практика взаимо-

отношений с бюрократией. Во-вторых, тематическая направленность их деятельности (например, внешнеполитическая или экономическая). В-третьих, обусловленность политических интересов, которые они представляют.

Подавляющее большинство «ранних» аналитических центров имели тесные связи с государством и исполняли волю и заказ местной бюрократии. Многие из них были созданы правительствами восточноазиатских стран для решения текущих политических, социально-экономических задач стоящих перед страной.

Значительное количество аналитических центров стран Восточной Азии внесли свой вклад в развитие национальной экономики. Технократические, экономико-ориентированные аналитические центры представляли на суд бюрократии стратегии, тактики развития и конкретные политические решения. Благодаря господству государственной бюрократии в процессе принятия решений, «ранние» центры Восточной Азии зачастую завязаны на чиновничью среду.

Со временем реформы открыли в регионе новые горизонты приложения усилий для аналитических центров, которые стали группироваться вокруг корпоративного и финансового сектора с акцентом на рыночные повестки дня.

Аналитические центры, интересующиеся национальной безопасностью, также появились для обсуждения актуальных угроз безопасности.

Часть аналитических центров в странах Восточной Азии и Сингапуре были созданы в качестве инструментов для легитимизации и укрепления существующих режимов или лидеров. Законность является одним из важнейших товаров, так как большинство режимов были привлечены к ответственности на основе их способности стимулировать экономический рост, а не их демократичности. Таким образом, легитимность экономической повестки дня также частично опирается на способность мозговых центров распространять правительственную повестку дня и получить общественную поддержку.

Больше, чем любой другой фактор, был политический импульс поддержки усилий аналитических центров, так как это не только определило их создание, но и обусловило их «интеллектуальное» влияние.

Факторы, вызвавшие к жизни аналитические центры, позволяют их классифицировать. Используем типологию Джеймса Макганна. Он выделял следующие типы мозговых центров:

- ◆ Партийный – официально связанный с политической партией;
- ◆ Государственный – входящий в структуру власти;
- ◆ Автономный и независимый – в значительной степени не зависящий от какой-либо заинтересованной группы или спонсора и автономный от правительства в своей деятельности и финансирования;
- ◆ Университетский – политологический центр при университете;
- ◆ Квази-государственный – финансируемый исключительно за счёт государственных грантов и контрактов, но не входящий в официальную структуру власти;
- ◆ Квази-независимый – автономный от правительства, но контролируемый заинтересованной группой, спонсором или заказчиком, обеспечивающим основное финансирование и оказывающим значительное влияние на деятельность аналитического центра [6].

Предложенная типология лежит в основе исследования «Global Go To Think Tank», которое ежегодно проводится Джеймсом Макганном в рамках программы «Мозговые центры и Гражданское общество» университета Пенсильвании в США [7]. По своей сути данное исследование

представляет собой глобальный рейтинг мировых и национальных аналитических центров по географическому и тематическому принципу. В рейтинге присутствуют немногочисленные мозговые центры Сингапура. Наш интерес лежит в области влияния мозговых центров Сингапура на выносимые внешнеполитические решения. Рейтинг за 2012 год в список 70 мировых аналитических центров в разделе «Безопасность и международные дела» включил три сингапурских центра. 44 строчку рейтинга занял «Сингапурский институт международных дел», 45 строчку – «Институт безопасности и стратегических исследований» и на 46 строчке разместился «Институт исследований Юго-Восточной Азии» [7, p. 67].

Впервые за всю историю «Сингапурский институт международных дел» (SIIA) занял первую строчку в региональном рейтинге стран Юго-Восточной Азии. Основанный в 1961 году, «Сингапурский институт международных дел» является старейшим «мозговым центром» страны [8, p. 4]. SIIA является некоммерческим, неправительственным учреждением, которое фокусируется на исследовании широкого круга тем и программ, в том числе регионализма, геополитики и экономического развития, а также окружающей среды и ресурсов. SIIA является независимой организацией, финансируется частными лицами, членскими взносами и спонсорами из числа коммерческих компаний. Центр постоянно подчёркивает, что не получает регулярное финансирование от правительства Сингапура и артикулирует готовность работать с любой организацией, стремящейся сделать Сингапур более информированным, более космополитичным обществом.

В 2012 – 2013 гг. SIIA сосредоточила свои усилия на ключевых темах, таких как АСЕАН и Азия, роль США, свобода торговли и экономической интеграции в АСЕАН и Азии, а также экологических проблемах: дымка от пожаров в Индонезии, изменение климата и чистый воздух города: анализ актуальных событий в странах региона (например, в Мьянме через призму политических и экономических вопросов), проблемы прав человека и социального развития.

Для всестороннего и профессионального подхода к исследованию обозначенного круга вопросов SIIA позиционирует себя в качестве сетевого «мозгового центра». Этот подход позволяет выйти за пределы тем, которые ведутся непосредственно штатными исследователями, что заставляет центр привлекать к работе в качестве экспертов своих зарубежных коллег, в том числе на основе стипендиальной программы.

Исследовательская программа центра разработана таким образом, что согласуется с ролью независимого аналитического центра и учреждения гражданского общества. SIIA сознательно и активно привлекает к работе все заинтересованные стороны (отечественных и зарубежных политиков, международные корпорации, зарождающиеся неправительственные организации в Сингапуре, а также региональные и международные средства массовой информации). Например, в течение 2012 года, SIIA еженедельно издавала бюллетень для СМИ с соответствующими цитатами и комментариями экспертов.

Партнёрские отношения с неправительственными организациями позволяют SIIA влиять на формирование сингапурской гражданской культуры в целом, объясняя соотечественникам суть современного, глобализирующегося мира, в котором они живут, преследуя цель более качественно информировать сингапурскую общественность и более эффективно обеспечивать поддержку обществом проводимой государством внешней политики в формах, адекватных взаимозависимому миру. Проблематика «гражданской социализации» весьма широка, например, актуализации вопроса торговли людьми позволила SIIA в 2012 году полу-

чить консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН.

(продолжение следует)

Литература

1. Алексеева Т.А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ: Учеб. пособие для студентов вузов / Т.А. Алексеева, А.А. Казанцев. М.: Аспект Пресс, 2012. 223 с.
2. Эйбелсон Д. «Мозговые центры» и американская внешняя политика: история вопроса [Электронный ресурс]. URL: <http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/ijpr/pj73abelson.htm> (дата обращения 4.03.2007 г.).
3. Boucher, Stephen, et al. Europe and its think tanks; a promise to be fulfilled. An analysis of think tanks specialized in European policy issues in the enlarged European Union, Studies and Research No 35, October, Paris, Notre Europe, 2004.
4. IPS must continue innovating in social media space: ESM Goh [Электронный ресурс]. URL: <http://www.todayonline.com/singapore/ips-must-continue-innovating-social-media-space-esm-goh> (дата обращения: 15.10.2013 г.)
5. Kotkin J. Singapore Needs A New Sling [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.com/sites/joelkotkin/2013/07/18/singapore-needs-a-new-sling/> (дата обращения: 15.10.2013 г.).
6. Mc Gann. Think Tanks and the transnationalization of foreign policy // [Электронный ресурс]. URL: <http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/ijpe/pj73mcgann.htm> (дата обращения 1.03.2007 г.).
7. Mc Gann, James G. The Global 'Go-To' Think Tanks, The Think Tanks and Civil Societies Program 2011, Think Tanks and Civil Societies Program, International Relations Program University of Pennsylvania, Philadelphia, 2012. 128 p. [Электронный ресурс]. URL: http://gotothinktank.com/dev1/wpcontent/uploads/2013/07/2012_Global_Go_To_Think_Tank_Report_-_FINAL-1.28.13.pdf (дата обращения 15.10.2013 г.).
8. Singapore Institute of International Affairs [Электронный ресурс]. URL: http://www.siiiaonline.org/userfiles/file/FY2012_Annual_Report.pdf (дата обращения: 15.10.2013 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Alekseeva T.A. Vneshnepoliticheskij protsess. Sravnitel'nyj analiz: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov / T.A. Alekseeva, A.A. Kazantsev. M.: Aspekt Press, 2012. 223 s.
2. Eйbelson D. «Mozgovye tsentry» i amerikanskaya vneshnyaya politika: istoriya voprosa [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/ijpr/pj73abelson.htm> (data obrashheniya 4.03.2007 g.).
3. Boucher, Stephen, et al. Europe and its think tanks; a promise to be fulfilled. An analysis of think tanks specialized in European policy issues in the enlarged European Union, Studies and Research No 35, October, Paris, Notre Europe, 2004.
4. IPS must continue innovating in social media space: ESM Goh [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.todayonline.com/singapore/ips-must-continue-innovating-social-media-space-esm-goh> (data obrashheniya: 15.10.2013 g.)

5. Kotkin J. Singapore Needs A New Sling [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.forbes.com/sites/joelkotkin/2013/07/18/singapore-needs-a-new-sling/> (data obrashheniya: 15.10.2013 g.).

6. Mc Gann. Think Tanks and the transnationlization of foreign policy // [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/ijpe/pj73mcgann.htm> (data obrashheniya 1.03.2007 g.).

7. Mc Gann, James G. The Global 'Go-To' Think Tanks, The Think Tanks and Civil Societies Program 2011, Think Tanks and Civil Societies Program, International Relations Program University of Pennsylvania, Philadelphia, 2012. 128 p. [EHlektronnyj resurs]. URL:http://gotothinktank.com/dev1/wpcontent/uploads/2013/07/2012_Global_Go_To_Think_Tank_Report_-_FINAL-1.28.13.pdf (data obrashheniya 15.10.2013 g.).

8. Singapore Institute of International Affairs [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.siaonline.org/userfiles/file/FY2012_Annual_Report.pdf (data obrashheniya: 15.010.2013 g.).